

грессировать в избранной мной сфере деятельности. Как же можно было назвать такого человека алкоголиком? Какой бы ни была причина того, что я несчастен, думал я, это никак не может быть выпивка.

Разумеется, я пил. В той среде, которую я считал вершиной цивилизации, пили все. Моя жена обожала спиртное, и мы часто устраивали совместные возлияния во имя супружеского счастья. Пили мои коллеги, а также все великие умы и литературные гении, которыми я так восхищался. Коктейли по вечерам были таким же стандартом, как кофе по утрам. Полагаю, ежедневно я употреблял в среднем около пинты алкоголя. Даже во время своих редких (в первое время) ночных запоев я никогда не выпивал намного больше кварты.

Сначала было так легко забывать о подобных инцидентах! Через день-два унижительного раскаяния я изобретал какое-нибудь объяснение. «У меня накопилось нервное напряжение, и мне необходима была разрядка». Или: «Я чувствовал себя не совсем здоровым, и потому выпивка так ударила мне в голову». Или: «За разговором я и не заметил, сколько выпил, и меня зацепило». Мы вечно придумывали новые формулы, которые должны были в будущем помочь мне избежать проблем. «Тебе нужно делать перерывы между стаканами, а в промежутках пить больше воды», или «Выпей немного оливкового масла, чтобы защитить желудок», или «Пей что угодно, *кроме* этих чертовых мартини». Проходили недели, все было благополучно, и я был уверен, что наконец-то нашел правильную формулу. А тот запой был всего лишь «случайностью». Через месяц случившееся уже казалось нереальным. Тогда интервалы между такими пьянками составляли восемь месяцев.

Однако мое усиливающееся ощущение себя несчастным было вполне реальным, и я знал, что нужно что-то с этим де-

лать. Одному моему приятелю помог психоанализ. После особенно отвратительного запоя жена предложила мне тоже это попробовать, и я согласился. Просвещенное дитя эры научных достижений, я безоговорочно верил в науку о психике. Это будет надежным лекарством и к тому же - приключением. Как интересно будет проникнуть во внутренние тайны, управляющие поведением людей! Как чудесно будет, наконец, узнать о себе все! Короче говоря, я потратил на свое приключение с психоанализом семь лет и десять тысяч долларов, и после этого почувствовал себя еще хуже, чем когда-либо.

Конечно, я узнал много интересного и того, что позже принесло мне пользу. Я понял, какой опустошительный эффект производит на ребенка такое воспитание, при котором его то балуют, то жестоко избивают, как было со мной.

Тем временем мое состояние ухудшалось, так как усугублялись и внутреннее ощущение себя несчастным, и пьянство. Все эти годы объем употребляемого мною в день алкоголя оставался почти неизменным или, может быть, слегка вырос, и мои запой все так же длились только одну ночь. Однако они участились настолько, что это тревожило. За семь лет интервал между ними уменьшился с восьми месяцев до десяти дней! Кроме того, пьянки становились все безобразнее. Одной из таких ночей я чуть не покалечился прямо в центре города; если бы я прошел еще пятнадцать метров, то свалился бы в сточную канаву. В другой раз я припелся домой весь в крови, потому что нарочно разбил окно. Из-за всего этого мне становилось все труднее поддерживать перед окружающими свой имидж выдающегося и респектабельного гражданина. Я прикладывал для этого значительные усилия, и моя личность разрывалась на части; передо мной маячила шизофрения, и однажды ночью я в отчаянии пытался совершить самоубийство.

Со стороны моя профессиональная жизнь выглядела блестяще. Я стал главой издательского дома, инвестиции в который составляли около миллиона долларов. Мои высказывания и фотографии печатали в «Тайм» и «Ньюсвик». Я выступал по радио и телевидению. Это была фантастическая конструкция, построенная на осыпающемся фундаменте. Она шаталась и должна была рухнуть. Так и случилось.

После своего последнего запоя я, придя домой, разбил вдребезги мебель в столовой, высадил шесть окон и сломал две балюстрады. Когда я проспался, передо мной предстало дело рук моих. Невозможно описать, какое отчаяние меня охватило.

Раньше я безгранично верил в науку и только в нее одну. Меня всегда учили: «Знание – сила». Теперь я оказался перед фактом, что знание этого рода применительно к моему отдельному случаю – *не* сила. Наука могла со знанием дела разобрать мою психику на части, но привести ее в порядок, похоже, не могла. Тем не менее, я снова пошел к своему психоаналитику – не столько потому, что верил в него, сколько потому, что мне не к кому было больше обратиться.

Побеседовав с ним какое-то время, я неожиданно для себя самого сказал: «Док, думаю, я – алкоголик». Он, удивив меня, ответил: «Да, это так». Я воскликнул: «Бога ради, так почему же ты мне этого не говорил все эти годы?» Он ответил: «По двум причинам. Во-первых, я не был уверен. Грань между пьянством и алкоголизмом не всегда четкая. В твоём случае я смог ее провести лишь совсем недавно. Во-вторых, даже если бы я тебе и сказал, ты бы мне не поверил».

Я вынужден был признаться самому себе в том, что он прав. Я бы ни за что не согласился с термином «алкоголик» по отношению к себе, если бы меня не придавило собственное несчастье. Но теперь я полностью принял это определение. Я где-то

читал, что алкоголизм необратим и смертелен. Я также знал, что наступит момент, когда у меня не будет сил, чтобы бросить пить. «Ну, док», - сказал я, - «что будем делать?» Он ответил: «Ни я, ни медицина не могут тут ничего поделать. Впрочем, я слышал об организации под названием «Анонимные Алкоголики», которой удастся помогать некоторым людям вроде тебя. Они не дают никаких гарантий и не всегда добиваются успеха. Но если ты хочешь, то можешь попробовать туда обратиться. Это может сработать».

За прошедшие годы я много раз благодарил Бога за вмешательство этого человека, которому хватило мужества, чтобы признать свое поражение, и смирения, чтобы признаться, что все его профессиональные знания, доставшиеся таким трудом, не в силах подсказать решение моей проблемы. Я узнал место и время собраний одной группы АА и пошел туда – один.

Именно здесь я нашел ингредиент, которого мне не доставало при всех прежних попытках спасти себя. Здесь была *сила*! Сила, чтобы прожить до конца любой текущий день; сила, чтобы иметь мужество встретить наступающий день; сила, чтобы дружить; сила, чтобы помогать людям; сила, чтобы сохранять здравомыслие; сила, чтобы оставаться трезвым. Это произошло семь лет и множество собраний назад, и за все эти годы я ни разу не выпил. Более того, я глубоко убежден, что, пока я продолжаю стремиться к тем принципам, с которыми познакомился в первых главах Большой Книги, как бы неумело я это не делал, эта мощнейшая сила будет течь через меня. Так *что* же это за сила? Я могу только повторить вслед за своими друзьями из АА, что это – некая Сила, превышающая мою собственную. Если бы вы настаивали на определении, я смог бы лишь процитировать псалом, в котором задолго до меня сказано: «*Будь спокоен и знай, что я – Бог*».

У моей истории – счастливый конец, но нестандартный. Мне пришлось пережить еще очень много страданий и испытаний. Но какая огромная разница между тем, когда ты проходишь через ад без Высшей Силы, и когда – с ней! Как и можно было предположить, шаткая башня моего внешнего успеха рухнула. Мои партнеры-алкоголики уволили меня, взяли предприятие под свой контроль и довели его до банкротства. Моя жена-алкоголик нашла себе другого, развелась со мной и забрала у меня всю оставшуюся собственность. Самый ужасный удар в жизни выпал на мою долю после того, как я обрел трезвость благодаря АА. Возможно, единственным проблеском порядочности в тумане моего пьянства была моя неуклюжая любовь к сыну и дочери. И вот однажды ночью моего сына, которому тогда было всего шестнадцать лет, убили. Это случилось неожиданно и стало для меня настоящей трагедией. Но Высшая Сила была рядом, чтобы поддержать меня и помочь пережить это трезвым. Думаю, Он поддерживает и моего сына.

В моей жизни произошло и кое-что чудесное. У меня и моей новой жены нет никакой собственности, достойной упоминания, и блестящие достижения былых дней больше мне не принадлежат. Зато у нас есть малыш, суший ангел, уж извините бывшего алкоголика за сентиментальность. Моя работа вышла на гораздо более глубокий и значимый уровень, чем когда-либо, и сегодня я – творческая и относительно здравомыслящая личность. И, даже если для меня еще настанут тяжелые времена, я знаю, что мне больше не придется переживать их в одиночку.